

РАНИ. Совершенно правильно указывая на неудовлетворенность нового зрителя современным репертуаром и на необходимость создания нового, отвечающего запросам зрителей пятнадцатки, Мейерхольд в то же время сбрасывает со счетов всю существующую пролетарскую драматургию, отрицая сам факт ее существования.

И поэтому в создании постановок, которые будут происходить на сцене будущего театра (и которые Мейерхольд представляет себе в форме массового народного зрелища, восходящего овыми традициями к испанскому театру Лопе-де-Вега и Кальдерона), драматургия будет играть второстепенную роль. Отрицая ведущую роль драматурга в театре, как это «безграмотно утверждает книжка Либодицкого», Мейерхольд рассматривает драматурга лишь как «вспомогательный элемент спектакля» (1). И новый театр Мейерхольда будет театром по преимуществу актера. На сцене, лишенной каких бы то ни было уступок, конструирующей в ч. п. «барахлы», актер будет на первом плане. Мейерхольд доведет до крайних логических пределов свое отрицание натуралистического театра. Действие будет происходить на абсолютно голой площадке, покрытой одним лишь циновками и коврами. Идеалом актерской игры для Мейерхольда является такая игра, при которой реальные предметы заменяются предметами, воссоздаваемыми в воображении зрителя. Чем оброщнее обстановка сцены, — говорят Мейерхольд, — чем менее загружена сценическая площадка, тем больше возможностей остается для развертывания зрелища, которое должно выйти из узких театральных масштабов. На сцене будущего театра не будет занавесов из пальматте. Вместо их Мейерхольд обещает «создать на сцене настоящую производственную атмосферу, без буффорских машин с живыми людьми».

Новый театр, по словам Мейерхольда, будет сподлинным диалектическим театром. Зритель этого театра не будет оставаться пассивным созерцателем.